

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИСЖОРИЯ

132-го ДОНЕЦКОГО ПОЛКА

44-й Киевской Стрелковой Дивизии

Издано Политического Отдела 44-й Киевской Стрелк. Дивизии

ЖИТОМІР

ИСТОРИЯ

132-го СТРЕЛКОВОГО ДО- НЕЦКОГО ПОЛКА

(б. 41-й Дивизии)

44-й КИЕВСКОЙ СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ.

ЖИТОМИР.

1928.

ИЗДАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ОТДЕЛА 44-й ДИВИЗИИ.

К.

1985

П

Ко дню празднования 10-летия Красной Армии история дивизии набрана, отпечатана и сброшюрована всеми рабочими полиграфпроизводства в нерабочее время в подарок Красной Армии.

Библиотека

Института Ленина

при Ц. К. В. К. П. (б.)

19151

~~34А~~
28

ГК 445
11949 P
у

Ко всем бойцам, командирам и политработникам 132-го Донецкого полка.

ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ!

Сегодня—величайший праздник социалистической обороны, праздник X-й годовщины Рабоче-крестьянской Красной Армии.

Сегодня каждый боец, командир и политработник, все трудящиеся и угнетенные вновь мысленно проходят тяжелый путь революции и боевой путь славного стража ее—гордости рабоче-крестьянского государства, меча пролетарской диктатуры—Красной Армии.

Что в прошлом ее?

Рассеянные во всех углах Республики мятежные красногвардейские партизанские отряды рабочих и крестьян, восставших на защиту Республики труда. Потом гордые красноармейские полки и железная поступь их на всех фронтах. Тяжелые дни, месяцы и годы на бесчисленных фронтах против бесчисленных врагов. Неслыханные лишения и невзгоды и невиданное еще в истории человечества геройство, самопожертвование отдельных бойцов и всей Красной Армии, одушевленной верой в торжество дела пролетариата.

Вот—боевая история Красной Армии.

Немало золотых страниц в эту историю внесли своими победами вы, славные сыны Красной Армии. Трудящиеся Союза никогда не забудут ваших бессмертных подвигов. Никогда рабочие и крестьяне не забудут, что путь наших

побед устлан трупами лучших из лучших донцов.

Пролетарское спасибо вам, красные герои, и сегодняшний день великой 10-й годовщины.

Всеми павшим на фронтах, истерзанным и замученным врагами—пусть будет неувядаемым памятником наше строительство, возрастающая мощь Союза, все увеличивающиеся ряды борцов за мировую революцию.

Молодые бойцы-донцы!

В этой истории запечатлен путь славного вашего полка.

Учитесь же по этой истории беззаветной преданности Соввласти и Коммунистической партии!

Учитесь ненавидеть врага той ненавистью, которую к нему питали старые бойцы. Учитесь бесстрашию, мужеству их, способности побеждать и умирать за дело пролетариата.

И тогда вы будете непобедимы.

Впереди — много тяжелых испытаний и страшных битв.

Учитесь же на этой истории, готовьтесь к новым боям и победам.

Пусть живет и крепнет для будущих битв и побед славная непобедимая Красная Армия и один из лучших ее отрядов—славный Донецкий полк.

Пусть живет стальная Ленинская партия—вождь Красной Армии—организатор и руководитель бывших и грядущих битв и побед.

**Политический отдел 44-ой Киевской
Стрелковой дивизии.**

гор. Житомир, 23 февраля 1928

Биография командира 44-й Киевской стрелковой дивизии Квятека Казимира Францевича.

Тов. Квятек—б. командир Богунской бригады ныне командир 44-й дивизии.

Тов. Квятек—старый революционер, пробывший 11 лет на каторге, родился в 1886 году,

в семье Варшавского рабочего - железнодорожника. За свой бунтарский — революционный характер исключен был еще мальчиком из старой царской

школы и поступил на работу на железную дорогу. Наступили 1904—1905 г.г. революционной борьбы российского пролетариата с царским самодержавием. Пылкий, впечатлительный юноша — тов. Квятек увлекается борьбой и с головой уходит в революционное движение. Он вступает в члены Варшавской организации польской партии социалистов, становится активным работником террористической боевой группы и принимает участие во всех демонстрациях рабочих и избивании жандармской полиции.

В 1905 году тов. Квятек за покушение на жизнь Варшавского губернатора арестовывается и предается военно-полевому суду, который выносит ему смертный приговор. Но в виду несовершеннолетия смертная казнь заменяется тов. Квятеку 20 годами каторги. И лишь февральская революция 1917 года дает ему возможность вырваться на свободу.

Одиннадцать лет тяжелой каторжной работы испытал тов. Квятек. Но ни каторга, ни кандалы, ни тяжелые лишения не подорвали в нем твердого революционного духа. Из каторги тов. Квятек вернулся еще больше убежденным, стойким революционером, преданным интересам пролетарской борьбы. Еще на каторге тов. Квятек близко сошелся со старым партийным работником тов. Лугинцом Константином (из Черниговщины) и вместе с ним он прибыл после февральской революции в м. Семеновку, Черниговской губернии. Здесь они горячо принялись за организационную работу и большевистскую пропаганду. За короткое время организовали они в Семеновке Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов (в большинстве большевистский), организовали ряд коммунальных мастерских для безработных, захватили

помещичьи земля и поделили их между бедными крестьянами, собрали с местной буржуазии большую контрибуцию, установив на деле в этом районе советскую власть.

Разгорающаяся борьба между большевиками и петлюровской центральной радой докатилась до м. Семеновки. Тов. Квятек приступил к организации красногвардейского отряда из наиболее революционных рабочих и крестьян, с которым неоднократно выступал против гайдамаков.

В феврале — марте 1918 года этот красногвардейский отряд, которым командовал прибывший в Семеновку тов. Щорс, выступает на борьбу с немцами, занявшими Украину. С заключением перемирия между Советской Россией и гетманской Украиной, красногвардейский отряд расформируется и тов. Квятек отправляется в Москву на первые Кремлевские курсы красных командиров. По окончании курсов тов. Квятек возвращается на Украину и организовывает в Черниговской губернии партизанские отряды для борьбы с немцами, и гайдамаками. В августе 1918 года тов. Квятек прибывает на станцию Унечу. Здесь он снова встречается с тов. Щорсом, который приступил к формированию 1-го Богунского полка. Тов. Квятек принимает активное участие в формировании 1-го Богунского полка, занимает сначала должность взводного командира, затем помощника командира полка, а после назначения тов. Щорса начдивом 1-й Украинской, тов. Квятек становится командиром 1-го Богунского полка. В начале 1920 года тов. Квятек назначается командиром 130 Богунской бригады и остается в этой должности до последней реорганизации Красной Армии (в июле 1922 г.) после чего назначается на должность помощника командира 41-й Киевской

стрелковой дивизии. В 1923 году тов. Квятек вступает в командование 99-й Территориальной дивизии и до 1926 года ноября месяца заканчивает В. А. К., после чего назначается командиром 44-й дивизии.

Весь боевой путь 44-й дивизии, с первого момента формирования 1-го Богунского полка до заключения мира (октября 1920 года), проделал тов. Квятек. Вдоль и поперек прошел с боями он всю Черниговщину, Киевщину, Подолию и Волынь.

Никогда не унывающий, отважный красный боец-командир, хорошо знающий красноармейский быт, сросшийся с красноармейской массой, — тов. Квятек пользуется огромной популярностью не только в среде Богунни, но и среди всех бойцов, командиров и политработников 44-й дивизии.

Вся боевая жизнь тов. Квятека полна героических подвигов. Несколько раз ранен был тов. Квятек в боях, но ни разу не уходил он с поля битвы до тех пор, пока не выполнил боевого задания.

Не даром любят и ценят своего вождя старые богунцы.

Не даром орден Красного Знамени украшает грудь тов. Квятека.

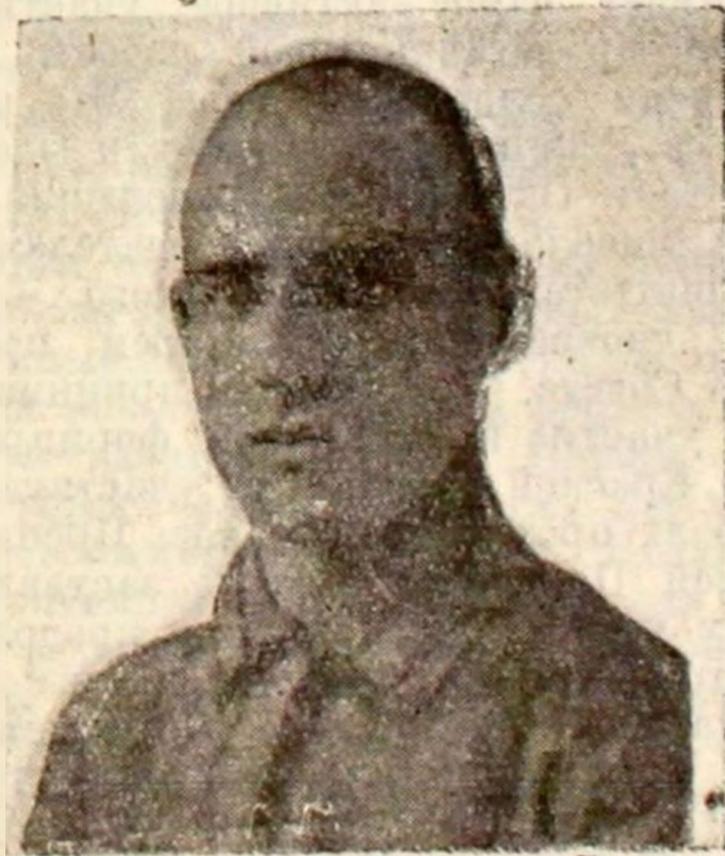
Много подвигов совершил геройский командир тов. Квятек в бесчисленных боях богунцев с немцами, петлюровцами, денкинцами, поляками и всякими бандитами разных мастей.

С таким боевым командиром и во главе его наша 44-я пойдет смело навстречу грядущим битвам с врагами трудящихся Союза.

Биография Начальника Политического отдела 44-й Киевской Стрелковой Дивизии тов. Немцева Петра Степановича.

Родился в 1896 году в семье кустика-одиночки безземельного крестьянина Курской губернии.

В 1910 году окончил Курское городское училище и с этого-же времени, в виду тяжелых материальных условий жизни, был вынужден своим трудом поддерживать семью.

В августе 1915 года тов. Немцев царским правительством мобилизуется в ряды армии, в которой по окончании учебной команды получает звание млад. унтер-офицера.

Суровая школа жизни выработала у него глубокую ненависть к помещикам и капиталистам. Февральская революция застаёт тов. Немцева в городе Ленинграде в запасном самокатном батальоне. В числе первых тов. Немцев примыкает к восставшим против царизма рабочим и вместе с ними активно участвует в свержении самодержавного строя.

Призывы партии большевиков, развернувшей работу среди рабочих и крестьян под лозунгом „Вся власть Советам“, находит самый горячий отклик в массах, начинается подготовка к вооруженной борьбе с буржуазией, в которой т. Немцев принимает самое активное участие путем агитационно-пропагандистской работы, проводимой им среди солдатских масс. Эту работу он проводит в Ленинграде, Москве и Одессе, где его и застаёт Октябрьская революция. Состоя членом, а впоследствии председателем солдатского Комитета 7-го самокатного батальона, будучи одновременно секретарем президиума Одесского Совета, тов. Немцев принимает также активное участие в работе по формированию и обучению Красной гвардии и участвует вместе с ней в боях против гайдамаков. Преследования Украинской Центральной Рады заставляют тов. Немцева уехать в Курск. Там он продолжает работу, состоя членом Горсовета и тов. председателя солдатской секции его. Когда немцы оккупировали Украину, тов. Немцев назначается помощником начальника Революционно-военного полка Курск. губ. а после и начальником его. Впоследствии, когда немцы пытаются продвинуться в глубь страны Советов, тов. Немцев формирует отряд партизан и во главе его направляется на фронт, где становится начальником

передовых партизанских отрядов Курских Советских войск по обороне участка Суджа Каренево-Рыльск. В этих боях тов. Немцев получает сильную контузию, но остается на фронте.

В феврале 1918 года тов. Немцев официально вступает в партию большевиков.

В период всей гражданской войны т. Немцев занимает ряд ответственных должностей, находясь непрерывно в Красной армии: комендант гор. Киева, командир полка, помощник Начальника Штаба II Кавалерийской Дивизии, чрезвычайный комендант города Одессы, помощник Комиссара Штаба ГУВТЗ'а РККА, помощник Начальника Политического Управления Кавказской Краснознаменной армии, Начучаспред ПУР'а и ряд других.

В сентябре 1926 г. тов. Немцев назначается Начподивом 44, на каковой должности находится до настоящего времени.

Выполняя по поручению партии самые ответственные работы и задания, т. Немцев показал себя, как неутомимый и преданный партии работник.

Будучи рядовым бойцом на фронтах и ответственным работником, тов. Немцев всегда остается верным солдатом партии, для которого интересы революции выше всего. Недаром не жалеет тов. Немцев сил и здоровья для работы. Суровый и строгий к себе и к другим на работе тов. Немцев лучший товарищ, привлекающий своей простотой и искренностью.

Как Начальник Политического Отдела Дивизии, тов. Немцев проявил максимум энергии, сил и инициативы в деле руководства партийно-политической работой в частях дивизии, способствуя укреплению и повышению ее боеспособности

Боевой путь б. 41 дивизии (ныне 132 Донецкого полка).

Во вражеском кольце.

Никогда еще гражданская война не доходила до такой обостренности, как в 1919 году. Осверепелая контр-революция со всех сторон стремилась одним ударом затопить великий Октябрь в рабоче-крестьянской крови.

Гнусная рука контр-революции стала пробираться к сердцу революции — Москве. Деникинская нагайка пошла гулять по рабочим и крестьянским спинам Украины.

Тяжело пришлось крестьянам. С неистовой жестокостью расправлялись с ними наемники помещиков — офицеры и стражники. Тяжкий, заглушенный стон рабочих и крестьян катился по завоеванной белогвардейцами стране. Виселицы украсили города. Коммунистов-рабочих вешали, расстреливали без суда. Советская страна была об'явлена осажденным лагерем.

Начиная от советских партийных организаций, — до первичных заводских ячеек, — все работало на оборону, на нужды армии.

Коммунистическая партия бросила на фронты лучших своих сынов, большинство из коих влилось в роты и команды и являлись крепким цементом, связывавшим рабоче-крестьянские массы и развивавшим в них твердую, непоколебимую волю к победе.

В душные июньские дни 1919 года, опьяненная первыми успехами, одетая в английские мундиры свора Деникина усиленно продвигалась все вперед и вперед. В лагере буржуазии ликовали, а в

лагере труда все больше и больше паростал гнев. Под руководством коммунистической партии грозной стеной выростали партизанские отряды.

Группа войск Сумского направления.

Центр Украины — Харьков мужественно защищали партизанские отряды, состоявшие, преимущественно, из харьковских и донецких рабочих. Но под натиском до зубов вооруженного противника, вынуждены были отступить.

Около 29 отступивших от Харькова красных частей нуждались в объединении и правильном руководстве. В с. Давыдовка, при участии лучших партийных руководителей, созывается совещание, которое и решило: из всех разрозненных частей организовать „группу войск Сумского направления.“

С первых же дней организации группе пришлось начать борьбу с бандами ген. Шкуро и деникинскими частями.

Первые бои.

Под натиском сильных частей деникинской армии и кавалерия ген. Шкуро группа отступала, но отступление сопровождалось рядом попыток переходить в наступление.

Опорные пункты (Богодухов-Ахтырка) несколько раз переходили из рук в руки. Но вскоре и они пали. Подходили к концу августовские дни.

Дни становились короче, ночи длиннее и холоднее. Полуголодные, полураздетые бойцы упорно обороняли реку Сейм. Отступая от дроздовских полков, наши части иногда переходили в наступление.

В один из августовских дней наша кавалерийская бригада подошла к мест. Белополье. Лицом

к лицу с противниками. Пехотные части 123-й бригады усиленно теснят противника. Дроздовский полк окружен нами. Выхода нет. Завязался упорный 12-тичасовой бой. Очутьившись в кольце, дроздовцы кричали: „Братцы, отбивайте красных, будете все награждены и повышены в чине“. Но это им не помогало, красные бойцы хорошо знали деникинских палачей. Впереди бойцов шли их верные, бесстрашные командиры. Один из таких еще и поныне в полку. Это тов. Гузь. Он тогда командовал ротой.

Пули дождем сыпались на нашу сторону. Но бойцы, зараженные примером своих старших товарищей-командиров, бойцов-коммунистов, не сгибаясь, неслись все вперед и вперед с криками: „Ура, даешь Сумы“.

„За мною! Снять пулемет противника!“—раздается команда тов. Гузя. „Снять!“—кричат командир отделения тов. Терский и кр-ц Ефременко. Быстро подбежал тов. Терский к стоящему на бугорке пулемету противника, всадил свой острый штык в толстопузого сытого офицера и снял пулемет. Немало было их таких отважных, смелых героев, как т. т. Терский и Ефременко.

Так окончился бой. Победа за нами. Три неприятельских полка разбиты. Много взято трофеев. Но дальше нашим частям продвигаться было трудно, так как к противнику подходили все новые и новые сытые, одетые в французские и английские мундиры белые резервы.

41-я формируется.

В это время происходило усиленное переформирование. Группа пополняется молодыми рабочими и крестьянами Воронежской и Тамбовской губ., в большинстве своем необученными. 25 ав-

густа 1919 года группа приказом по 14-й Армии переименована в „41-ю Стрелковую дивизию“ в составе 3-стрелковых бригад и одной кавалерийской. Начдив тов. Молкачанов твердый, решительный. Организаторы, политкомы, старые большевики-подпольщики т. т. Иванов и Рухимович. Формированием дивизии руководил закаленный революционер-большевик т. Артем. Быстро росла дивизия: прибывали партийцы, понемногу стала разворачиваться парт-полит-просвет-работа. Были организованы Политотделы бригад и дивизий.

Вот так, из разрозненных партизанских отрядов выросла мощная 41-я дивизия (ныне — 132-й стр. Донецкий полк), основным ядром которой были донецкие шахтеры.

Тяжелые дни.

Шли дни за днями, недели за неделями. Наступал октябрь м-ц. Все холоднее и холоднее становилось. Мы очутились в глубокой России, где морозы достигали 25 градусов. Голод и холод донимали бойцов. „Что будет?“—спрашивали многие. Удар за ударом наносили нам белые полки, сытые и прекрасно одетые. Мы отходили все к северу, избегая плена, ибо плен у Деникина хуже смерти. Город за городом оставляли красные части. Так оставлены были Глухов, Севск и др.

Мы очутились разрозненными, оборванными, голодными, загнанными деникинцами в район Дмитровск-Городище. Ня одной минуты передышки: каждый день, каждая ночь—упорные бои. По целым суткам ничего не ели. Без шинелей, в дырявых ботинках лежат красные бойцы в цепи при 25-градусном морозе.

Но самое страшное было, когда многие из нас, стали падать духом. „Мы погибнем: нас окружили“—

говорили некоторые. Но бесстрашные, терпящие голод, нужду, холод, славные основатели дивизии—донецкие шахтеры и бойцы — коммунисты поддерживали дух и бодрость павших духом бойцов.

Весь этот период был периодом беспрерывных боев наших частей, в большинстве необученных, недостаточно спаянных. Формирование проводилось без надлежащего руководства. Штабы частей приходилось оставлять на поле брани. Снабжение было недостаточно налажено и не регулярным.

Все это не могло не отразиться на общем состоянии частей 41-й, что отчасти и объясняет временные неудачи на фронте.

Чем сильнее угрожала опасность Республике Труда, тем сильнее и сплоченнее становились ряды ее защитников—боевых донцов.

Дмитровск — Сняльниково.

Пополнение.

Ряды дивизии пополнились рабочими Донбасса, составившими основное ядро дивизии. В большинстве это были коммунисты-рабочие. Их было полторы тысячи стойких, беззаветных бойцов-коммунаров. Любили их бойцы и шли за ними. Пополнение дало дивизии много испытанных, стойких командиров и политработников. Из этих рядов вышел смелый комдив Саблин—испытанный большевик.

Отступление кончилось. Наступил крутой перелом.

В ноябрьскую ночь.

Ключьями свинцовых туч рвалось ноябрьское небо. Хмурился туманный ноябрь: хмурились лица бойцов, порохом и ветрами обожженные. В лицах думы таились: „Даешь Дмитровск“.

В Дмитровске — дроздовцы. Ночами — кутежам занимались, а утром... ветерок на фонарных столбах людей покачивает.

Плотно сгущается ноябрьская ночь, ночь жуткая 19 года.

Вспыхнули костры бивуачные, с треском осветили людей суровых, с губами растресканными, с лоскутками посиневшей кожи из прорех и пальцами грязными в рваных ботинках, с винтовками меткими в цепких руках.

Не страшен жутки холод бесстрашным бойцам. Нет, не страшен: все обдуманно, все решено.

За мной, вперед!

Забрезжил молочный рассвет, в утре морозном город туманный вырос, лентой речной опоясанный, бомбами да пулеметами укрепленный, с заставой белых на мосту.

Тихо покачивая черные свечи штыков, шли, а то просто ползли бойцы, к заставе приближались. Зорко следила застава: пулеметами в нашу сторону посматривала — насторожилась. Насторожились мы.

Командир полка тов. Сиверс, с усами длинными, с глазами, как кончики штыков, круто к бойцам повернулся, в лица суровые глянул.

Глянул и понял. Не обманут.

— „За мной, вперед!“ — тишь морозную прорезал Иван из кобуры выхватил.

19151

Годы 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20.

— „Ура, уррр — ааа“ подхватила братва, глыбой каменной повалилась, смяла заставу — победила. И дальше неудержимое — „даешь Дмитровск“, „урра“.

Вдруг, словно поперхнулись, оборвали „ура“, назад попятнулись. Перед глазами выросли дроздовцы офицерского полка, шитьем золота погоня рыбела, жалом ненависти сотни голов кольнули: „Так вот кто“. И щелкнули сотни затворов: рывкнул залп. И снова „ура“ и снова вперед.

Не устояли изнеженные барчуки, в кучу сбились, тяжелым свинцом закашлял „Максим“, докрасна накалялся, пока не осталось в живых ни одного золотопогонника...

И город взят.

В городе.

Пустынны и мертвы улицы Дмитровска. На фонарях и просто на тротуарах валяются замученные рабочие, изнасилованные, раздетые до гола и зверски приконченные женщины.

Буржуазии на улицах и в домах нет: попряталась, как гадина, по подвалам и частью бежала с дроздовцами.

* * *

Много было убитых красных бойцов, еще больше раненых. Но ни один из оставшихся не упал духом. Умирали красные солдаты достойно.

Выкуривая последнюю „козью ножку“, тяжело раненый командир роты т. Морозов говорил, посмеиваясь своим бойцам: „Вы не бойтесь — я не умру, я бронированный“ Так и умер, смеясь.

Склоняя голову над павшими, мы не роняли слез, а крепче сжимали винтовки, стискивали зубы.

Старик из Никитовки.

Взяв Дмитровск, пошли дальше. Шли, занимая города с легкими перестрелками. Так заняли Ворожбу, Белополье, Славгород и подходили к Богодухову. Носились слухи, что Богодухов сильно укреплен: есть казачьи полки.

На подступах к Богодухову раскинулись две деревушки—Куиливаха и Никитовка. Не доходя до них, остановились мы на ночь, готовясь утром перейти в наступление.

Быстро опускалась ночь, кутая в темноту лица, деревья.

— Стой, кто идет?—окрикнул часовой. Встрепнулись настороженные бойцы. Из тьмы вынырнул старичок лет 60-ти. Старенький, но бодрый. Спрашивает самого старшего: „шпион должно“,— доложил часовой о старичке и ушел на свое место. Старичок весело поглядывал на бойцов, посмеивался. Подошел комдив т. Саблин.

— Ну, что скажешь, старина?

— Вон ен, говорит—шпиен, ответил старик и махнул рукой в сторону часового.—А за советскую власть, чай, и пошпиенить не грех.

— Да ты толком,—уговаривал Комдив.

— Толком. Ладно, дай срок. Не все сразу. От белых я.

— Шпион, значит.

— Разные бывают шппени. А ты кто такой будешь?

— Командир дивизии.

— Самый старшой. Ладно. Давай карту: кумекать будем.—Любопытно посматривали бойцы, посмеивался т. Саблин. Долго кряхтел старик, долго мусолил во рту карандаш. Тыкал корявым пальцем в Куиливахи и Никитовку. Поставил крестик:

„Вот тут заставы ихние“, поставил другой: „А тут казаки“. Подумал, подумал, отдал карту Комдиву и говорит: „Ненадежное это дело: пойду лучше сам“.

На рассвете, по указаниям старика, без единого выстрела сняли заставу и захватили казачьих лошадей. Казаки разбежались, побросав оружие и обмундирование.

Из обоих сел стеклись крестьяне от мала до велика, хлеб-соль принесли, на обед зазывают. Перед всем народом Саблин речь держал, заслугу старика отметил. Подхватили бойцы старого, в воздух подбрасывать стали, лучшую лошадь казацкую дали. Прослезился старик, на повозку к Саблину забрался да и начал говорить: „Лошадь мне не надо, от лошади отказываюсь. Белых прогнать надо... Заморют... Перед всем честным людом прошу командира принять меня на службу...“ Крепко поцеловал комдив старика, руку шершавую потряс и объявил: „Принимаю“. И в честь старика из Никитовки прогремело тысячеголосое „ура“.

Плакали старуха с дочерью: отговаривали. Не послушал старик. Богодухов с нами брал, разведчиком стал.

В дождливый декабрь.

Потянулись дни декабря слякостные, дождливые. Продвигались мы к Харькову.

В Харькове орудовал Май-Маевский, этот отъявленный бандит и висельник.

Все штабы и учреждения, подчиненные ему, неустанно работали день и ночь.

Тысячами экземпляров расклеивались по всему городу листовки и воззвания. Говорилось в этих воззваниях о том, что большевики разбиты, армия

их разбегается по домам и что скоро генерал Деникин будет в Москве и с божиею помощью станет правителем „всей Руси православной“.

Дожди не унимались: грязь по колена. Трудно было делать походы, но делали, не отмеривали под декабрьским дождем версты, десятки, сотни верст, полураздетые, полуразутые. И не жаловались, не роптали.

Знали, что надо. А раз надо—революция требует—иди. И шли.

В грязи без патронов.

Не пускал в Харьков противник. От Харькова в верстах 20-ти укрепился.

Увязши в грязи, посиневшие от холода, под дождем, полуголодные бились с противником. Противник крепко засел—не сдавался. А у нас вышли патроны и нет подвоза пшеницы. Пошатнулась стойкость, поникли головы. Отступать не хочется, продвигаться невозможно. И в самом деле, по колена в грязи, без патронов—много ли навоюешь? А воевать надо. Харьков взять необходимо.

Дух героизма и сознание необходимости не раз заменяли нам и патроны, и пшеницу. Заменяли и тут: бросились вперед командиры, не отстали бойцы, и противник был сломлен.

Самый город заняли без боя. Незачем, не с кем было вести бой. Узнав, что мы прорвали укрепления на подступах к городу, рабочие Харькова подняли восстание, и май-маевцы в панике разбежались.

От Харькова до Синельниково.

12 декабря мы вошли в Харьков, а 13 снова в поход. Снова отмеривать версты, жечь мозолями ноги, коптить махрою рты, терпеть неудачи, поражения, одерживать победы, брать города.

В последних числах декабря мы взяли Павлоград и ст. Синельниково.

Отсюда нашу дивизию вывели на отдых.

Так героически мы прошли 50 дней от Дмитровска до Синельниково. Прошли голодные, раздетые. Прошли с боями, с победами. Прошли, приветствуемые и поддерживаемые широкими массами трудящегося населения.

Из 600 тысяч коммунистов во время гражданской войны—300 тысяч боролись в рядах Красной Армии. Коммунисты были и будут ядром Красной Армии.

От Александровска до Одессы.

На Махно.

Отдыхали недолго, всего трое суток, на четвертые получили приказ: выступить на борьбу с Махно.

Выступили. В Кичкасе переправился через Днепр.

Трудно было ловить Махно—кулачье было на его стороне, сочувствовало ему, укрывало.

В районе Никополя все-таки удалось разоружить несколько тысяч махновцев. Из Никополя мы повернули на Николаев. Путь от Никополя трудный был. Тиф не хуже нашего „Максима“ косил изнуренных голодом и походами красных бойцов. Редели наши ряды. Десятки и целые сотни бойцов выбывали из строя, на каждом новом привале новые.

Живые шли все дальше, все вперед.

Чеченцы, спасайсь!

Фронтальным огнем мы безостановочно теснили противника, успешно продвигаясь к Николаеву. Увлечшись успехами продвижения, мы совершенно забыли про наши фланги, на которых никого не было. Враг воспользовался нашей оплошностью. Неожиданно на фланги выскочили два полка чеченцев. По рядам пробежало замешательство и кто-то крикнул: „Чеченцы, спасайся!“ Началась паника, бегство, все перепуталось, все перемешалось.

Не поддались панике мужественные, испытанные командиры - большевики, не обратились в бегство бойцы - коммунисты. Стойко командиры с кучкой коммунистов и рабочими из Донбасса отражали сабельные удары двух чеченских полков. Геройство коммунаров мало-по-малу остановило бегство. Ряды стали принимать боевой порядок. Бегство переходит в наступление.

К истекающему кровью подошла кучка бойцов. Один из них спросил:

— „Откуда, товарищ? Умираешь? Письмо надо родным написать“.

— „Рабочий я, из Донбасса“.

— „А чей ты?“.

— „Так, ничей. Коммунист просто“—и умер с этим.

Сотни убитых при налете чеченцев сильно ослабили наши ряды. Это был хороший для нас урок.

Он научил нас тому, как надо бороться с кавалерией. И это же подняло до того наш дух, что того же дня мы отплатили чеченцам, нанеся им непоправимый удар в районе деревень Попова—Константиновка.

Жаркий это был бой. Жарко было нам, еще жарче—чеченцам: почти оба полка были выведены из строя.

На мостовых Николаева.

Бой в деревнях Поповая и Константиновка—был последним боем на подступах к Николаеву. Да и в самом городе драться не пришлось. Главные силы, потерпев поражение под Константиновкой, отступили и в самом городе остались незначительные части.

С этими остатками белой банды на улицах Николаева развернулись действительно жаркие бои. Деникинцы, видя безвыходное положение, дрались с озверевшим отчаянием. Пойманные кр-цы не только убивались, но с ними творили кровавую расправу, отрубали им руки и ноги.

Смертью храбрых в этом бою пали: пулеметчик и политрук Ермолаев?—стойкий, испытанный боец-большевик.

Землеробы встали.

В Николаеве не задержались—прем на Одессу. Белые отступают. Зверствам нет конца. Одинаково изгибались стальные шомпола на спине старика, на груди молодой крестьянки, на голове ребенка. Накипала в сердцах злоба, котлом большим клокотала, выхода искала—и нашла его, прорвалась, встало миллионное крестьянство, встали пахари-землеробы. В отряды партизанские стекались: командиров своих избирали.

Кто не шел к партизанам, тот шел в ряды Красной Армии.

В деревне Анатолевка к нам поступило сразу 150 добровольцев-крестьян с 2-мя пулеметами и 10 лошадьми и шли вместе с нами на Одессу.

Навстречу смерти.

В походе на Одессу предстояло взять несколько сильно укрепленных пунктов. С боями взяли Херсон, Очаков. Продвигаемся по берегу Черного моря.

В районе колонии Гильдендорф кинжалом в берега врезался залив. Резануло мысли: „Не дойти до Одессы“...

Хрупкий, тонкий лед ночами щупали прожекторы, днем в клочья рвали снаряды. Снаряды ухали и с моря, и с берега.

Но... революционный дух, дух героизма и ненависти к палачам и висельникам рабочего люда не знал преград, не ведал страха. И силы бойцов не знали истощения.

„Одессу надо взять“. И шли.

Ночью темной, страшной отдавали приказанья командиры и сами впереди всех шли исполнять их.

Старик из Никитовки вызвался идти вперед, с ним добровольцы из Анатольевки. Ночью темной, под гулом орудийным, шел впереди старик, а за ним 150 добровольцев-крестьян бесшумно ползли по шершавому льду в зловещую тьму навстречу смерти...

Тьму лизнул прожектор—из тьмы вырос старик, вперед зовущий к победам...

И опять темно. Ни шума, ни крика. Только лошади бережно ступают соломой копыт да шуршат по льду шинели...

Зайчиком прыгнул прожектор, остановился. И опять темно. Весь полк был на середине залива, старик с добровольцами—недалеко от берега. И вдруг... с крейсера грянул орудийный залп за ним—другой, третий...

В свете прожектора взметнулся столб грязи и... на месте отважных храбрецов-крестьян зияла черная дыра.

Статью щелкнули зубы бойцов, хваткой ненавистью ежались. И ползли бойцы. На льду рвались „чемоданы“. На берегу—ад крошечный, с пулеметами, с бомбами и... все таки ползли. Переползая, бросались в атаку, дрались, побеждали.

На рассвете почтили память храброго старика из Никитовки, беззаветных добровольцев из Анатолевки, всех павших в неравном бою красных бойцов.

И двинулись дальше с рядами поредевшими духом удесяттеренным. Меряли снежные версты и шли.

Одесса взята.

Наступил февраль 1920 г. В ночь на 7-е, совместно с кавалерией Котовского, брали Одессу. Взяли Одессу без усилий. Пролетариат города беззаветно подготавливал падение денкинской власти, и подготовил. При первых встречах улицы города покрылись могучей сетью баррикад. Противник, теснимый с трех сторон, бежал. Пробовали сопротивляться два бронепоезда: „Россия“ и „Гвардия“, но сводным отрядом дивизии поезда были сбиты и 2000 офицеров, находившихся на поездах, были взяты в плен. В одном из особняков, где было „офицерское собрание“, укрылось около 500 офицеров, вооруженных до зубов и оказывали стойкое сопротивление. Это были храбрые барчуки. Они поклялись драться до последнего патрона. И остались верны своей клятве—эти ярые защитники капитала, до нутра пропитанные вековой классовой ненавистью к пролетариату.

Взвод красных бойцов, взвод наполовину из коммунистов, со штыками наперевес, бросился в здание, со штыками—на бомбы и пулеметы. Ворвались. И столкнулись лицом к лицу два врага,

ненавидящие друг друга. Не сдались офицеры, все до одного стойко погибли под ударами красных штыков. Малодушным и дезертирам можно было на этом поучиться храбрости и мужеству. Малодушным и дезертирам на примере этих офицеров можно было научиться классовой ненависти и классовому презрению.

В мышеловке.

Победу праздновать еще рано. Бьем противника и тесним к Днестру, да так тесним, что ни вздохнуть, ни охнуть: с одной стороны Черное море, с другой—Днестр, а за Днестром— боярская Румыния. Махнули загнанные деникинцы в Румынию, да обожглись—не пустила Румыния: дождем свинцовым хлестнула.

П о з д н о.

На ст. Тирасполь бронепоезда стояли. Ухватились за них деникинцы, как утопающий за соломинку, ухватились, да поздно.

Напрасно на поездах красовались „могучие“ слова: „Победа“, „Деникин“, „Дроздовец“. Рота красных орлов, руководимая таким командиром, испытанным большевиком, как т. Милев, героически отрезала путь трем броневикам. Строчили броневики из пулеметов, побухивали из пушек, да ни к чему это было. Поздно. Мечутся беспомощно деникинцы, ляскают от злости зубами и перед последним издыханием пакостят, шаршивые.

Живые факелы.

Три эшелона с пленными и ранеными, облитые бензином, вспыхивают кровавым пламенем.

Торжествует издыхающий пес. Кровью, льющейся из вагонов, упивается и музыкой кажутся ему стоны горящих людей.

С треском разваливаются вагоны, в стороны разбегаются горящие люди. Падают, догорают и гаснут, как зори багровые, как факелы, к мести, к победам вовущие.

На Тютюнника.

Давно тишится днями отдыха месяц март. И вновь наступили беспокойные дни и ночи тревожные. Объявился бандит Тютюнник. 16-го марта мы выступили на борьбу с ним.

За Первомайском, в дер. Немяловка, на пьяную орду наскочили—уничтожили.

Думали все, аи, нет. Из дер. Наливайко сволочь бандитская на нас навалилась. Жарко было. Патронов нет, а тут еще по цепи передают: военком Корнеев убит. Совсем дело дрянь. Поникли бойцы.

Не печалились командиры, голов не вешили, рук не опускали. Командир роты тов. Иванов и Начпульком т. Возовский решили, что выход есть и выход этот—атака. Во весь рост поднялись, крикнули два храбреца: „За нами, товарищи, вперед, урр-ра“. И в ночи темной, свинцом и огнем разгоряченной, штыками оцетинившейся, покачнулась красная ватага, ухнула... И на рассвете вышла победительницей.

Утром патроны получили и дальше пошли—на Умань.

Так закончился славный боевой период прошлого 41-й на денкинском фронте.

На Польшу.

Отдыха нет 41-й. Враги Советов не успокоились. Они все еще пытались удушить Республику Советов. Руководимая Англией и Францией и при их поддержке, панская сволочь пыталась подчинить себе украинских, белорусских рабочих и крестьян.

„От моря до моря“,—под таким лозунгом выступила в феврале 1920 года панская Польша.

Вокруг Польши сплотились все бандитские черные силы контр-революции (Петлюра, Булах-Балахович, Тютюник). Эта была последняя надежда контр-революции.

Новая опасность зажгла всех трудящихся всего Союза пламенным воодушевлением—сознанием необходимости дать отпор польским панам, которых уж очень манил украинский хлеб, сахар, поля и дремучие леса Волыни и Черниговщины. Пламенным революционным воодушевлением горят красные бойцы 41-й.

На панов.

„На польских панов“—так гласил приказ свыше
Быстро ребята собрались.

Начальник дивизии коротко и деловито рассказал бойцам. „Что-ж, бить, так бить стервецов—так ответили бойцы своему начальнику,—Умрем, но поляков прогоним“. И с этими обещаниями бойцы едут на польский фронт.

• • •

Хоть и прохладно, но все ж весело в вагонах. Группками сидят и разговаривают бойцы. Вспоминают о прошлых делах. Ведь есть что вспомнить о деникинщине.

— А помнишь, Ванюха, как мы им жару дали под Одессой?

— Прямо в Черное загнали,—подхватывает Сережка.

— И втыкали ж они, так и втыкать будут паны,—подмечает братва.

Так прибыли бойцы 41-й на польский фронт, заняли район Новая Ушица, где должны были сменить части 60-й дивизии.

Первая стычка.

С первых же дней дивизия вступает в бое с противником.

Начдив Осадчий предпринял обход в тыл противнику в районе Новая Ушица, атакуя одновременно с фронта при поддержке бронеотряда и кавэскадрона под командованием храброго Садалика.

Приказ короткий и ясный: „На первый день пасхи взять Новую Ушицу“.

Всю ночь готовились бойцы. Грушиками собирались ребята, острили, шутили.

„Срода не видал этих поляков“.

„Погоди браток, скоро встретишься“.

„Ну что ж, скорей бы“.

Чуть стало рассветать раннее весеннее утро а уж по всему фронту закипело. Бесперывно гремели орудия и трещали пулеметы. „Ур-ра, даешь в атаку!“, — кричали ребята.

Итак, наши ребята в укрепленных окопах, противника захватили много трофеев и пленных. И еще небольшой нажим — и мы в городе. Но нет тут то было.

У противника были сильные резервы в районе Новая Ушица, которые вступили опять в контр-удар. Дальнейшее наше наступление было безу-спешным. Противник стал нажимать. Он пустил по шоссе свои бронеавтомобили и тракторы под видом танков.

— Смотри, танки, раздаюсь в наших рядах. И давай бежать. Началась паника. Сколько ни уговаривали командиры, сколько ни стремились

удержать ребят, старые бойцы 41-й, бойцы-коммунисты, все было напрасно.

В это время, 11-го апреля на рассвете, противник кавалерийскими своими частями прорвал фронт на стыке 41-й и 60-й и занял Куриловцы—Мурованцы.

Двумя пехотными полками поляки атаковали стык 122-й и 123-й бригад и, снова прорвав фронт, угрожали отрезать путь отступления 122-й бригаде.

С огромными потерями вырвалась 122-я бригада из кольца и перешла в Урышев, где сведена была в 364-й полк. В командование полка вступил боевой командир Плотников.

Польская рать наступает.

Противник стал энергично наступать. В тылу появились банды Тютюнника. Нам приходилось бороться на фронтах с поляками и в тылу с озверевшими бандитами. Тяжело было дивизии, но она все же стойко сражалась, несмотря на свою малочисленность. Братва, хоть и сильно устала, но духом не падала. Бодрость и вера в победу жила в сознании бойцов.

— А мы все же гадов разобьем, — заявляли ребята.

Храбрецы-пулеметчики.

Не раз в этих боях бойцы, особенно храбрые пулеметчики, отбивали противника, чем спасали полки.

Так было и под Шаргородом, где пулеметчики 367-го полка под командованием бесстрашного большевика—начальника команды, тов. Возовского губительным ураганным огнем отбивают фроловцев и тем самым спасают нашу батарею и весь полк.

„Даешь вперед“.

Но не долго отступала 41-я. В жаркие июньские дни 1920 года начинается решительный перелом на фронте.

Передохнули немного бойцы, почтили память павших, приняли свежие силы.

Опять сформированы были: 365 и 366 полки. И с новыми силами опять в наступление.

„Даешь вперед“, — говорят бойцы: „чаво ждем, скорей даешь“.

Продвигается 41-я вперед. Ряд пунктов переходит в наши руки. Мы занимаем Могилев-Подольский, продолжая свое дальнейшее наступление на Каменец-Подольский.

По бесконечным горам.

Скверные, крученые дороги, бесконечные горы, покрытые лесами. Реки в районе Стружки—Дурняки—Щербовцы. Взнойные дни идем полуголодные по рекам и горам, ведя отчаянную борьбу с польско-петлюровскими панами.

Все новые и новые добровольцы вливаются в полки 41-й из освобожденных от панской нагайки местностей. Каждую гору приходилось штурмовать. Но все эти препятствия преодолевали воодушевленные победой красные стрелки, впереди которых шли их верные боевые славные командиры и политработники. Деревня за деревней, мостечко за мостечком, город за городом переходят в наши руки. Везде нас приветливо встречают.

Трудно угнаться было за противником, 60—70-верстные переходы для бойцов были для этого времени обычными. Как-то привыкли к ним ребята.

— Ну и намазали-ж пятки,—смеялись бойцы: ну-ж и надавали мы им жару.

3-го июня на рассвете вступили в Каменец-Подольский. Измученное от грабежей и насилий польских панов трудовое население с радостью встретило наши части. 10-го июля полевой штаб дивизии во главе с его отважным, смелым большевиком—начальником Зонбергом—вступил в Каменец-Подольский.

В Галиции.

У обрывистого Збруча.

Все дальше и дальше идет 41-я. Вот и обрывистый Збруч. Сильные бои разгорелись на этой реке. Петлюровцы оказывали сильное сопротивление, ибо потеря ими позиции значило для них—сильнейший стратегический и моральный удар. Не раз петлюровцы отдельными кавалерийскими налетами пытались ослабить наши отдельные части.

Стой, залпом!

Неимоверно палило июльское солнце. Наша рота перешла Збруч и направилась к ближайшему селу. Входим в село. С хлебом и солью встречают крестьяне. Расположились на краю села, выставили наблюдателя и отдыхаем.

Стали раздавать полученные подарки: кисеты, папиросы. Довольна братва, что не забыли их. Раскуривают во всю и шумно беседуют. Обо всем вспоминают ребята, как дроздовца били, как фроловца и другую поганую сволочь.

Вдруг летит конный разведчик с криком: „скорей, скорей, кавалерия“.

Смотрим. бегут бабы, загребая с улицы детей, кричат, плачут. Не оробели ребята. Быстро со-

брались и выскочили за село. Смотрим—несется отряд кавалерии. Зловеще сверкают обнаженные сабли на солнце.

— „Ребята, стой, залпом“, — раздается отчетливая команда ротного. Градом посыпались пули на петлюровскую кавалерию. Сережка-пулеметчик поставил свой „Люнец“ и давай строчить по кавалерии.

„ Слабо тебе, петлюровский пан, нас сбить, красных стрелков“ — орали бойцы. И все строчили и строчили из пулеметов и винтовок. Шарахнулись кавалеристы, напуганные неожиданной стрельбой.

Так и ушли петлюровцы, не солоно хлебавши, потеряв убитыми и ранеными.

Не удалось им поколебать нашу маленькую часть.

28 красных стрелков прогнали сто кавалеристов

До полной победы.

Но не раз противник наносил нам сильные удары. При одной нашей попытке форсировать Збруч, южнее Гусятина, противник нанес сильный удар 16-м Кавполку и 366-му пехотному. Но бойцы не робели. Еще и еще—в атаку, даешь Збруч! Збруч взяли. Противник откатился на Серет.

Наши части захватывают Чертков.

— „Уничтожить панскую сволочь, бороться до полной победы“ — таков был лозунг бойцов. Все глубже и глубже продвигалась 41-я в Галицию. И чем глубже шли, тем сильнее становился противник. Неимоверно расширялся наш фронт и сужался фронт противника. Но все же 41-я энергично преследовала противника, занимая один за другим пункты.

Атаку за атакой ведут петлюровцы, но не уступают им наши. Бучач—этот главный стратегический пункт петлюровцев—в наших руках.

Пополнение.

Опять свежее, бодрое пополнение, среди которого немало коммунистов вливаются в 365 и 366 полки. И со свежими силами, полные веры в победу, наши части берут город за городом. В руки дивизии попадает много пленных, трофеев.

Кошмарный бой.

Но противник задался целью выбить наши части из Галиции. Спешно стал он собирать свои силы, началась усиленная переброска польско-петлюровских частей за Днестр. И чтобы отвлечь внимание наших частей от производимой переброски, польское командование начало крупную демонстрацию, предприняв 8-го сентября атаку на гор. Рогатин.

Против одной нашей 123 бригады поляки выставили 5 пехотных полков и 2 уланских, численность которых больше чем в 3 раза превышала наши силы.

Довольно тяжело и круто пришлось нашей бригаде. Но не дрогнули бойцы. Загорелся бой не на жизнь, а на смерть — сильнейший бой в истории дивизии. Одиннадцать штыковых атак пережили наши бойцы.

Как чистый снег при сильном морозе, сверкали штыки, коля направо и налево. Люди, кони, штыки, пулеметы — все смешалось в одно. Бой продолжался на улицах, в домах, в окнах, на баррикадах. Рев коней, заглушенные стоны людей, свист пуль — все смешалось — только слышны были разъяренные, озверевшие крики „ура“, „ура“, „ура“, „бей гадов“.

И так беспрерывно, 4 суток. Не устояли поляки и давай мазать пятки. А мы за ними.

Так окончился ожесточенный бой. В этом бою бригада захватывает много пленных, пулеметов и орудий.

Немало и наших храбрых бойцов, командиров, политработников легло на поле брани.

Отступление.

Несколько дней отдыхали бойцы после кошмарного боя. Подлатались немного. Противник был пассивен, но не надолго. Собрав опять свои силы, польско-петлюровская армия на рассвете туманного сентябрьского утра повела общую атаку по всему фронту 14-й армии.

Из-за Днестра польско-петлюровская пехотная бригада тремя ударными группами обрушилась на растянутый фронт 122 бригады, которая не смогла удержаться. Одновременно противник превосходными силами обрушился и на две других бригады дивизии.

Всего против 41-й было двинуто 17.000 штыков, 9000 сабель при 90 орудиях. Большая растянутость фронта, утомленность бойцов и громадные силы противника заставили дивизию отступить и сдать противнику ряд пунктов (Подгайцы, Бучач, Чертков и др.). Сдача в плен сформированного из дезертиров и присланного в дивизию 420 полка еще более ухудшила положение дивизии.

К моменту перемирия части занимали позиции у р. Мурашки, куда после ожесточенных боев они отступили.

И наконец—перемирие¹. 18 октября 1920 года положило конец боям.

На Петлюру.

С 18 октября по 9 ноября дивизия приводится в порядок. Начинает прибывать пополнение

(15 казачья бригада и Екатеринбургский полк). Формируется отдельная кавбригада под командой т. Кочубея. Дивизия спешно вооружается, обмундировывается. Все новые и новые кадры коммунистов принимает дивизия, сколачивается, отдыхая, готовится к предстоящим боям с остатками петлюровской погани.

„Добить остатки“—под этим лозунгом идет дивизия добивать Петлюру.

События идут своим чередом и складываются в нашу пользу. Врангель разбит, с поляками—мир. Красная Армия получила возможность сосредоточить свои силы против остатков бандитских шпак.

14-й армии были приданы: 24 и 12 пехотные и 17 кавалерийская дивизии.

Бьем Петлюру.

41-я занимает участок от м. Черпевцы до Днестра. Наступают ноябрьские холодные дни, но бойцы, понемного обмундированные, с бодрыми песнями идут бить Петлюру. 11 ноября вся 14-я армия начала общее наступление. С криками: „вперед к победе“ рвутся бойцы в бой, сметая на своем пути петлюровцев. 12 ноября—мы в Могилев-Подольском. Много трофеев в наших руках. В это время кавбригада и кавалерия Котовского брошены были в тыл противника, где своими действиями навели панику на петлюровцев, которые обратились в бегство.

Затем и Каменец-Подольск взят.

Вот как скоро выполнили свой победный клич „добить остатки петлюровской мрази“ наши бойцы.

Фронты окончены. В невероятных условиях, среди лишений, голода, холода, страдая от недостатка оружия, одежды, шла, побеждая на своем пути, 41-я

дивизия, вписав в историю свою и Красной Армии славные и незабываемые страницы.

Сильнейшие враги нас не победили потому, что во главе нас стояла партия Ленина, что нас поддерживал пролетариат всего мира.

Донцы на мирной учебе.

Переформирование.

Окончились боевые операции на фронтах 41-й. Дивизия 25-го декабря 1920 года переформировывается в 41-ю бригаду, а в январе м-це 1921 года, после расформирования 14 и 12 армий, входит в состав частей Киевского Военного Округа и перебрасывается в г. Радомысль, б. Киевской губ.

В этих районах еще рыскали остатки бандитских шаяк, проливших море рабоче-крестьянской крови Советской Украины.

Бригада получает боевое задание—ликвидировать остатки черной своры бандитских шаяк (Орлика, Зеленого и др.).

В течение короткого времени бригада очищает территорию этих районов от бандитских шаяк.

В мае м-це 1921 года бригада входит в состав 44-й дивизии и переименовывается в „132-ю бригаду“, а затем—в 1922 году—в „132-й стр. Донецкий полк“.

На границе.

Граница с Польшей... Зима. Необъятный белый покров покрыл землю, с черного неба сыплется снег, заметая последний человеческий след, оста-

влепный пришедшей сменой. Тихо .. Одинокое стоит человеческая фигура, закутанная в длинный полушубок и кажется, что ветер и снег вот-вот засыпят, покроют своим холодным покровом человека. Не дремлет часовой: смотрит он в сторону панской Польши, жметя к прикладу мозолистая рука в вязаной перчатке. Тихо. А снег все сыплет и сыплет с щедрого неба, наметая сугробы. Идет время убийственно медленно, мысли об одном: стоять, не замерзнуть, быть готовым ко встрече с вечно притаившимся врагов. Но, чу... идет смена. Идут дни, проходят недели, месяцы и времена года меняют свою окраску. А часовой не дремлет. Он—на границе Советских рубежей.

Когда Варшаву сделаем Советской...

Наши бойцы зорко охраняют красные границы. С презрением смотрят на сытых поляков наши полураздетые, полуголодные бойцы.

В один из этих дней под'езжает к границе из г. Острога толстопузый полковник. Чинно обходит он границу. Со стороны польской стоит одетый часовой. А на красной стороне, в нескольких шагах с винтовкой в руках стоит здоровый, высокий парняга в дряненькой шивельшке, в порванных ботинках, но лицо сияющее и бодрое. Это наш кр-ц т. Белик (ныне старшина 2-й роты).

— Какой губернии, — спрашивает полковник т. Белика.

— Из Польши, — доносится ответ.

— А скороли домой?

— „Домой тогда, когда сделаем Варшаву Советской—не долго думая, ответил ему т. Белик.

Сконфузился полковник и больше в разговоры не вступал.

Провожаем стариков.

Начинается демобилизация. Старые бойцы уходят по домам на мирную работу. Сколько красивых, никогда не забываемых моментов прошло в эти минуты прощания с остающимися товарищами — боевыми командирами.

Сколько воспоминаний о боях, лишениях, муках, сколько радости за то, что отстояли в боях с многомиллионными врагами страну Советов.

Тепло провожали остающиеся бывших друзей, отчисляли со скудных пайков табак и сахар.

Еще и поныне старые бойцы помнят Донецкий полк.

„В любую минуту, когда враг выступит на нашу страну, мы вместе с вами будем в славных боевых рядах донцов“, так пишут старики молодым донцам.

* * *

Много лишений вынесли бойцы на фронтах, но и не мало их было и в начале мирного периода. Пара сапог приходилась на несколько человек, куском хлеба делились между собой, неся тяжелую караульную службу.

Большую роль сыграло в это время влившееся в феврале 1922 года коммунистическое пополнение. Раздетые, иногда сами оставаясь без куска хлеба, донцы свой паек отчисляли голодающим Украини и Поволжья. С особенной заботой мы относились к детям.

В казармы.

В июне 1922 года 2 батальона 132-го Донецкого полка располагаются в с. Высоком, Волынского округа, а 1-й батальон — на Малеванке (предместье г. Житомира). Начинается усиленный

период боевой и политической учебы. В октябре м-це 1922 года прибывают пополненцы 1901 года рождения—ребята здоровые, веселые, преданные делу рабочих и крестьян.

Быстро втягивается молодняк. Ставится вопрос о переходе в казармы. Объявляется „месячник красной казармы“, отчисляются деньги на фабриках, заводах и крестьянских сходах. Заботится о кр-цах власть Советов. Рабочие Донбасса в лице Донецкого Губисполкома оказывают большую помощь. Вот и подходит зима. Донцы переходят в казарму.

От'езд последних боевиков.

В декабре м-це 1923 года происходит демобилизация последних бойцов-стариков 1901 года рождения. Торжественно проходит передача „стариком“ своего поста у боевых знамен полка пополненцу. Демобилизованных провожают тепло. Долго гремит на вокзале „ура“ молодых кр-цев, несущееся вслед тронувшимся вагонам.

И снова учеба.

И снова зимняя учеба, а затем и первые лагеря. Оборудовали ребята свои летние полотняные домики и обучаются. На лагерных состязаниях полк забирает почти все переходящие знамена дивизии и знамя Губернского Отдела Физкультуры на Олимпиаде.

Осенью полк участвует на маневрах вокруг г. Житомира и в марше маневра „захватывает“ г. Житомир.

В полк вливается пополнение 1902 года, бодрое, здоровое—много рабочих Донбасса.

Порох — сух, штыки — остры, донцы — готовы.

В ноябре 1923 года рабочие Германии поднимают восстание.

Чутко прислушиваются бойцы к событиям в Германии. Бурлит гнев в груди потомков донецких шахтеров—кр-цев полка. Группками собираются по вечерам и обсуждают положение в Германии.

„Поддержим наших братьев“—звучат стальные голоса донцов. Полк готов выступить на защиту рурских рабочих.

„Порох сух, штыки остры, донцы готовы“ — так ответили донцы т. Феликсу Кону.

* * *

Но черная реакция задавила германских рабочих.

Донцы продолжают учебу, крепя боевую мощь Рабоче-крестьянской Красной армии, воспитывая в себе выносливость, волю к борьбе за диктатуру рабочего класса. В донцах живет крепость горняков, их славные боевые традиции.

По стопам стариков.

Однажды, в лагерях кр-цы задержали двух бандитов. Командир, не обыскавши их, направил в штаб лагерного сбора под конвоем двух кр-цев— т. Бузько и еще одного. Патронов у кр-цев не было. По дороге бандиты выхватили револьверы и открыли огонь. Ребята не растерялись. Связист Бузько крикнул: „стой, бросай револьверы“ и тут же бросился к стрелявшему бандиту, и всадил свой штык в спину бандита. А другой сопровождавший тоже сделал и с другим бандитом.

Только храбрость, находчивость, сознание спасло бойцов, выполнивших свою боевую задачу.

Такой же случай произошел в г. Житомире. Курсант учебной школы т. Боковня конвоировал одного уголовного преступника. Последний, воспользовавшись близостью сада и речки, бросился бежать и уже начал перелезать через забор. Быстро бросился за ним т. Боковня и после нескольких окликов „стой“ спокойно стал на колени и с возгласом: „от курсанта Донецкого полка не уйдешь“, уложил бандита наповал.

Крепнет боевая мощь.

Растет, крепнет боевая мощь и политическая сознательность кр-цев. Растет и крепнет партийная и комсомольская организации, полка, растут и крепнут общественные организации: МОПР, ОСО-АВИАХИМ, военкоры и другие. Со смертью Ильича его партию в Донецком полку пополнили лучшие представители кр-цев и начсостава. Крепнет спайка. И в тяжелые минуты чувствуется, что традиции полка жуют в молодых донцах.

Черные тучи в 1927 г. сгустились над Советским Союзом: разрыв с Англией, Китаем, убийство Войкова, бряцание оружием Пилсудского — еще больше все это подтягивает боевую учебу и в неделю „Обороны страны“ донцы собирают на самолет „Красная Волянь“ 250 рублей.

С успехом проходит в полку подписка на „Заем индустриализации“ на сумму 11510 рублей. Летом 1927 г. донцы берут дивизионный приз по физкультуре.

Партийная организация до последней демобилизации, прошедшей осенью 1927 года, насчитывала в своих рядах 283 чел., комсомольская—443 чел.

Громадная армия военкоров, членов ОСО-Авиахима и наконец к 10-летию Красной Армии в полк вливается пополнение 1905 года.

В кропотливой учебе, воспринимая боевую выучку, политическую сознательность стариков-донцов, крепнет мощь Донецкого полка, кипит боевая учеба.

И если враги попытаются снова напасть на Республику Советов, Донецкий полк бок-о-бок с братьями по сружью — таращанцами и богунцами оцетинится сталью штыков, чтобы отразить врагов.

Вперед, донцы, к дальнейшей учебе, к борьбе за власть Советов, за диктатуру пролетариата во всем мире, за мировой Октябрь под руководством испытанной гвардии пролетарских масс — Коммунистической партии всего мира.

За боевые заслуги 132 Донецкий полк к X годовщине РККА приказом Революционного Военного Совета СССР за № 606 награжден революционным Красным Знаменем.

Биография командира 132-го Стрелк. Донецкого полка 44-й дивизии Малыгина, Михаила Михайловича.

Родился в бедной крестьянской семье Вятской губ., Слобовского уезда, д. Лыжное. До 11-летнего возраста воспитывался и учился дома в деревне. На 12-м году учительницей сельской школы был отправлен в гор. Вятку, где ее усилиями и при ее материальной помощи поступил учиться

в реальное училище. В течение семи лет, живя на 5-рублевой земской стипендии и заработке от речетиторства, окончил в 1914 г. реальное училище. В 1915 г. мобилизован в армию. В 1916 г. был направлен на фронт. В декабре 1917 г. вернулся в гор. Вятку и поступил в Красную Гвар-

дию. В январе 1918 г. был выбран комиссаром Красной Гвардии и служил в гор. Вятке. В начале октября 1918 г. поступил в Красную Армию и назначен командиром бат-она. В начале 1919 г. в составе части направлен на восточн. фронт на борьбу против Колчака. В этом же году вступил в ряды Р. К. П. На восточном фронте участвовал во всех наступлениях части и походах от р. Вятки до города Омска, командуя в последнее время 38 полком.

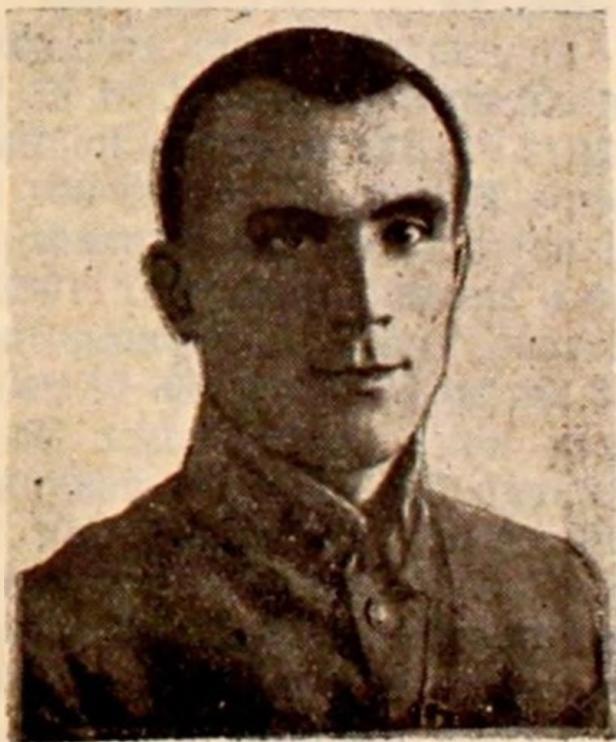
В начале 1920 г. переброшен с полком на западный фронт на борьбу с поляками и здесь продолжал командовать полком. Совершил боевой поход от г. Минска до г. Варшавы и обратно. После войны с поляками оставался служить в 38 полку до 1924 г. В 1924 г. поступил учиться в Военную Академию РККА, каковую окончил в 1927 г.

С ноября 1927 г. командует 132-м Стрелковым Донецким полком. Свои большие познания в военном деле, многолетний опыт гражданской войны помогают ему с успехом проводить работу по поднятию боеспособности нашего полка. За боевые заслуги тов. Малыгин награжден орденом Красного знамени.

Биография военного комиссара 132-го Стрелк. Донецкого полка 44-й дивизии Сысоева, Павла Васильевича.

Родился в 1901 г. 15 июля в Московской губернии, на фабрике Викула Морозова с с-вьями (ныне Пролетарская диктатура) в семье рабочего прядильщика. Мать и вся семья работали на той же фабрике. В 8-летнем возрасте лишился отца,

умершего от под'ема тяжести. Остался с матерью, живя на 13 рубл. жалованья матери вместе с 3-мя другими детьми. Учился на фабрике, работая между сменами у рабочих в нязьках. С 11-летнего возраста каждое лето уезжал в Смоленскую губернию к сестре матери, помогая ей в сельском хозяйстве (косил, пахал, пас скот и т. д.). Проучившись 5 лет, поехал в Москву искать работы.

где и поступил на поденную работу на завод Гужона. После работал на Саввинской фабрике Викула Морозова. В 1917 г., не разбираясь в программе, поддерживал большевиков, помогая им чем мог (раздавал большевистские списки на выборы в Учр. Собрание, состоял в вооруженной охране, из которой у нас зародилась Красная Гвардия). Летом 1917 г. вступил в Комсомол, а в Октябрьскую Революцию—в красногвардейский отряд матроса Сучиллина, с каковым был отправлен на каледнискй фронт. Был на каледнском

и красновском фронтах до апреля 1919 г. в качестве рядового бойца. Заболев, уехал домой, работая на заготовке дров для фабрики. Осенью 1919 г., когда Деникин занял Орел, в парт-неделю вступил в ВКП(б) и с 15/X—19 г. состоит членом таковой. В ноябре 1919 г. был мобилизован на работу и назначен начальником и комиссаром продотряда. Работал в Татарской Республике и Чувашской области. С 1919 по 1921 участвовал с отрядом в подавлении двух кулацких восстаний (Чистопольского в 1920 г. и в Чувашской области в 1921 г.). 15/II—22 г. по парт-мобилизации забран в Красную армию 394 полк 132-й бригады, где служил кр-цем до расформирования полка. В 132-м полку до апреля 1923 года был кр-цем, комзвена, помполитруком, политруком, секретарем Партбюро и с 1925 г. по настоящее время военным комиссаром полка. За время пребывания в партии был членом уездных, губернских и окружных комитетов ВКП(б).

Тов. Сысоев—любимый комиссар донцов. Сам выходец и недр рабочего класса, терпя при царизме все невзгоды и лишения угнетенного пролетария, он в себе закалил дух непримиримого бойца против буржуазии.

Свою глубокую ненависть к последней и любовь к рабочему и бедному крестьянину он в повседневной и в неутомимой работена посту военного комиссара полка передает всем донецким бойцам.

Под руководством такого преданного пролетария-партийца, как тов. Сысоев, Донецкий полк бесстрашно пойдет на последний бой с мировым капиталом.

Красный календарь

бывшей 41-й дивизии (ныне 132-го Стрелкового
Донецкого полка 44 дивизии).

1919-й год.

24 июня. Организация группы войск Сумского направления из партизанских отрядов, рабочих Донбасса, г. Харькова, Сумского, Богодуховского и Ахтырского уездов.

25 июня — 24 августа. Упорные бои групп войск Сумского направления с бандами Шкуро и денкинскими частями в районе Богодухов-Ахтырка—Глухов-Рыльск и др.

24 августа. Переименование группы войск Сумского направления в 41-ю стрелк. дивизию.

25 августа — 13 октября. Тяжелое отступление 41-й дивизии.

13 — 25 октября. Прием пополнения и начало наступления 41 дивизии в направлении Глухов — Севск — Дмитровск.

Ноябрь — декабрь. Взятие Дмитриевска — Полтавы — Харькова и др. городов.

1920-й год.

Январь. Разгром 41-й дивизией банд Махно в районе Синельниково.

Январь — февраль. Геройское наступление 41-й дивизии. Захват Николаева — Одессы — Тирасполя. Разгром денкинцев.

Апрель. переброска 41-й дивизии на польский фронт.

Апрель — июнь. Упорные бои 41-й дивизии с поляками в районе Новая Ушица — Могилев-Подольск и другие.

Июнь — июль. Наступление 41-й дивизии в районе Каменец-Подольск.

3 июля. Вступление 41-й дивизии в Каменец-Подольск.

Июль — август. Бой 41-й дивизии в районе р. Збруч. Отступление польско-петлюровских частей.

8 сентября. Геройский бой под Рогатином.

18 октября. Перемирие с поляками. Прекращение боевых действий на польском фронте.

Ноябрь. Ликвидация 41-й дивизией петлюровских банд в районе р. Днестра. Выход 41-й дивизии на охрану границ в районе Ямполь-Могилев на Днестре.

25 декабря. Переименование 41 дивизии в 41-ю бригаду.

1921-й год.

Январь — февраль. Переброска 41-й бригады в район Радомысль Киевской губ. Успешная борьба бригады с остатками бандитизма (Орлик, Струк и др.).

Май. Переименование 41-й бригады в 132-ю бригаду и вхождение ее в состав 44-й дивизии.

Октябрь — декабрь. Охрана гос. границ в районе Олевск — Новоградволинск.

1922-й год.

Февраль. Увольнение добровольцев до 1899 г. рождения.

1 мая. Принятие красной присяги частями бригады в Новоградволинске.

Июнь. Сдача охраны границ Погранотряду, переход 132-й бригады в район Горошки, Волынской губернии.

Свертывание бригады в 132-й стрелковый
Донецкий полк.

Июль. Увольнение в долгосрочный отпуск
кр-цев 1900 г. рождения.

Сентябрь. Переход полка в казармы—гор. Жи-
томир.

Октябрь—декабрь Прием молодняка 1901 г.—
Увольнение в долгосрочный отпуск последних
боевиков 1901 г.

С 1923 года полк ежегодно осенью прсиз-
водит: прием пополнения и увольнение отслу-
живших срок военной службы.

Памяти павших.

Тысячами трупов лучших бойцов за освобождение рабочих и крестьян от помещичье-буржуазного ига усеян боевой путь бывшей 41-й дивизии.

В лесах под Брянском, на полях под Глуховым и Харьковом, в степях Александровска и Николаева, на берегу Черного моря, на дорогах Подолии, в полях Галиции, на берегу Днестра, на вершине Чортовой горы—повсюду рассеяны они, дорогие нам могилы павших бойцов.

Но, мы, закаленные в жестокой борьбе, боевые соратники павших товарищей, не плачем над их могилами.

Мы знаем: без жертв, без потерь—победы не бывает.

Покуда существует вокруг нас капиталистический мир, покуда в одном только СССР развевается красное знамя труда, — возможны новые боевые схватки с капиталом.

К этой грядущей борьбе, к новым победам должны быть готовы красные бойцы.

Отдадим последний долг павшим героям и занесем их имена на страницы истории великих подвигов и побед 41-й.

Вот немногие из павших в борьбе железных бойцов революции.

Т. Мейер.

Б. комполка 369.

В боях с петлюровцами, на польско-петлюровском фронте, в июле 1920 года пал смертью храбрых под мест. Шаргородом командир 369 полка т. Мейер.

Бесстрашный коммунар, рабочий Донбасса, самоотверженный боец за пролетарское дело,— т. Мейер еще в 1917 году вступил в красногвардейский отряд.

Он всегда находился на фронте в передовой цепи красных бойцов. Весь путь отступления от Харькова к Брянским лесам и обратное победоносное продвижение красных войск к берегам Черного моря проделал т. Мейер.

Вражья пуля не пощадила нашего героя, вырвав его в бою под м. Шаргородом из наших боевых рядов.

Т.т. Лисовенко и Яковлев.

Разведчики конной разв. 364—5 полка.

28-го августа 1920 года под с. Велесневым (Галиция) пал смертью храбрых боец конной разведки т. Лисовенко Феодор.

365-му полку приказано было занять высоты, упорно защищаемые неприятелем. Состав полка был молодой. Наступление полка было безуспешным. Петлюровцы давали сильный отпор. Тогда т. Лисовенко вызвался взять эти высоты, если ему дадут одну роту. Получив в свое распоряжение роту, т. Лисовенко с криком: „За мной, братцы! Я научу вас, как защищать Советскую

Власть и как бить поганого Петлюру“, бросился вперед. Зараженная примером т. Лисовенко рота бросилась дружно вперед и в течение получаса заняла высоты.

Но тут т. Лисовенко пал, пронзенный тремя вражьими пулями.

В этот же день пал и т. Мирон Яковлев. Подскочив к петлюровским окопам, т. Яковлев бросил несколько бомб в самую гущу петлюровцев. Окруженный петлюровцами, он на предложение сдаться крикнул: „красные бойцы не сдаются“, стал отстреливаться из винтовки и пал, сраженный вражьей пулей:

Хохлачев Дмитрий Иванович.

Б. комполка 132.

Сын крестьянина Забайкальского края—он с великими трудностями получил пятиклассное образование. Как только наступила Октябрьская революция, т. Хохлачев в марте 1918 года организовывает на Витебщине повстанческий отряд для борьбы с белыми. Как только организовалась 41-я, т. Хохлачев—в ее рядах.

Старые бойцы хорошо знали т. Хохлачева, как храброго, выдержанного боевого командира и любили его.

Не раз т. Хохлачев, будучи раненым, не выходил из поля боя, пока не отбивал противников.

Вечная память павшим в боях героям-донцам. Они завещали живым беззаветную преданность делу Революции.

За боевые заслуги и преданность Рабоче-Крестьянской власти т. Хохлачев награжден орденом Красного Знамени и почетным оружием.

В мирное время т. Хохлачев остался командиром полка. Но здоровье его было подорвано, он заболел туберкулезом и в 1925 году его не стало.

т. Дудка.

Комиссар 364-го полка.

Многим из нас помнится могучий образ пролетария — Военкома 364 полка т. Дудки. Рабочий, он прошел весь путь от Харькова и обратно и на полях Галиции он нашел смерть. Лучший из лучших, он всегда и везде был впереди — в бою и в партийной работе.

т. Дьяков.

Политрук кр-ц.

Немногие знали его. Молчаливый и углубленный, со светлой душой, он долго шел в рядах бойцов 365 и 366 полков. И погиб, попав в плен вместе со своей ротой. Долго не забудется кошмарное зверство белых, перебивших 86 кр-цев, попавших в плен под Глуховым. В трескучий мороз, раздетых и босых их гнали много верст и на окраине города расстреляли.

Боевые воспоминания.

Сам погибай, а товарища не выдавай!

Много имеется в рядах красных бойцов-героев, которые умеют стойко и сознательно умирать за власть рабочих и крестьян. Не мало было таких героев и в нашем полку. Вспоминаю кр-ца Максимова—добровольца, петроградского рабочего и еще одного кр-ца, еврея, фамилии которого не помню.

Занимала наша рота 1-го сентября 1920 года район Шидловки у р. Збруч.

Позиция была удобная и в течение двух суток мы дружно отбивали яростные атаки банд Тютюника. На следующий день противник стал нажимать и мы вынуждены были отступить. Противник зашел нам в тыл и всей своей силой обрушился на нашу роту, которая большей частью своей попала в плен. В числе пленных очутился я и еще двое товарищей, о которых говорилось выше.

Бандиты обезоружили нас и повели в свой штаб. По дороге встретили мы самого Тютюника, который крыл матом по нашему адресу.

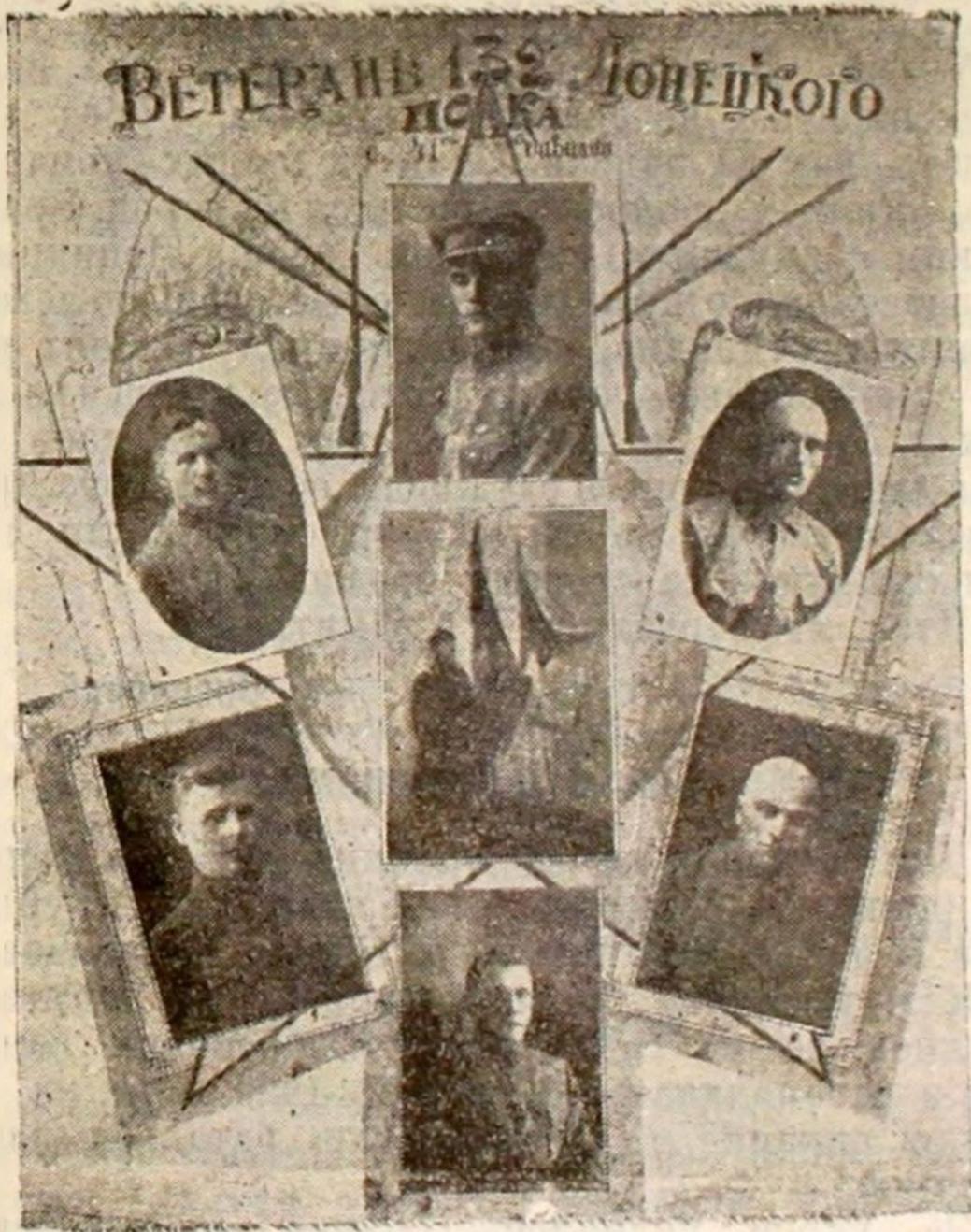
Привели нас в штаб, стали опрашивать. Узнав, что т. Максимов—доброволец, а второй—еврей, бандиты повели их в свою контр-разведку. Там бандиты стали у них допытываться, кто из пленных командир и комиссар. Пленники ответили, что таких среди них нет. Бандиты стали истязать наших мучеников.

Тогда т. Максимов и другой т-щ гордо ответили бандитам: „Можете нас мучить сколько угодно, но мы вам, злодеям, не выдадим своих товарищей—командиров“.

Бандиты отвели их шагов на 20, разделли донага и зверски расстреляли.

б. комрот 132 полка Р.

Группа ветеранов 132-го Донецкого полка.
Посередине — боевые знамена.

Взятие гор. Дмитровска.

Подшел наш 367 полк к Дмитровску и стал ожидать дальнейших приказаний. В полночь — слышим с другой стороны города доносится ру-

жейно-пулеметная стрельба. Это 368 полк, зайдя неприятелю в тыл, столкнулся с его заставой на переправе. К рассвету 367 полк повел энергичное наступление на Дмитровск. Завязался упорный бой. Деникинцы превосходили нас своей численностью, но братва не оробела. Город уже видать, как на ладони. Один из наших командиров, с криком „вперед“, бросился на город. Братва за ним с дружным возгласом „даешь Деникина“. Пулеметчики открывают бешеный огонь по левому флангу противника, наш „Максимка“ трещит уже на самой окраине города. Город уже почти в наших руках. Вдруг в 30 шагах от нас вырастает густая цепь резервного батальона офицерского Дроздовского полка. Но мы не струсили: пули градом сыпались на сторону дроздовцев.

Итак, мы ворвались в г. Дмитровск.

Возовский.

Бои с фроловцами.

Под натиском превосходящих сил противника мы покидали Галицию, выдержав ряд крупных боев под гор. Чертковым, р. Збруч, Волчадаев.

Каждую сопку, каждый куст кровью поливали, дрались, но не сдавались петлюровским бандитам и белополякам. В августе 1920 года на северной окраине м. Лучинец наш батальон занял позицию.

За утром поднялось солнце, августовское, играющее. К позиции шло большое стадо рогатого скота. Среди стада оказались спешенные кавалеристы. Смекнули мы в чем дело и насто-рожались. Подпустили близко-близко, и как хватили залпом да и из пулеметов... Полегли, как скопешенные, все до одного вместе с коровами. Как

говорят, остались рожки да ножки. За стадом — пьяная кавалерия справа тремя эшалонами неслась. Мурашками жуть по спине... но братва не оробела: залпом хватили, осел первый эшелон, за первым — второй с обнаженными шашками, с криком „слава“ летел, как буран, страшный, сталью клинков поблескивая. Новым залпом мы ожгли их, подрезали, и не устоял второй эшелон. За вторым вылетел третий, самый сильный. Стойкие красные бойцы ослабевали, отбивая атаки третьего эшелона. Захлебывался наш „Максимка“, накалялся, кипел и... не выдержал — лопнул... На левый фланг проскочила пулеметная тачанка противника... Справа — клинки, слева — пулеметы: не устояли мы — отходить начали. Да куда уйдешь от кавалерии — но все-таки отходили по группам, отстреливаясь...

Смертью храбрых пал в этом бою пулеметчик т. Кириченко. Зарубили его фроловцы над лопнувшим пулеметом. Много других, оставшихся, не жалея жизни, бились с фроловцами, пали, как неустрашимые бойцы за революцию.

К—р 8 роты 132 п. С. Милев.

В тылу у поляков.

9 число. Апрель. Почками бухнут деревья, Привольно щебечут птицы. Льет ранняя весна. нежная, сладкая соками, мыслями хмельными, задорными.

Весна... Война не знает весны. Война знает походы, наступления, атаки с сотнями убитых и раненых. Вот в эту весну 1920 года мы и вели наступление на поляков. Заняли м. Куриловцы и Мурованне и дальше продвигались к деревне Стружки.

Звещел весенний лес. Сочились белые березки, пили сладкий сок бойцы.

Ни одного выстрела, ни одного взрыва, словно война остановилась и слушает весну звонкую, пьяную. Слушал и тов. Ларин, комбат 2. Тянул из котелка березовое вино и слушал. Слушал, да не весенний гул. Слушал, почему тихо, почему не стреляют...

Сварядил двух бойцов в разведку. Отправил и задумался. О чем думал—не говорил.

Разведчики тотчас вернулись и доложили, что поляки за лесом устанавливают пушки. Окинул бойцов батальона, а их было немного: всего 27 вместе с командирами. Окинул и думу высказал: „дело ясное, первый батальон отступил—мы в тылу...“

И уже нет вокруг весны—есть кучка бойцов с комбатом во главе, что думы думает—выход ищет.

* * *

Змеей серой, по лесу ползли, на опушке залегли и залпом дружным ахнули. Загудело по лесу эхо, перекатывалось, тыкалось в деревья и замирало.

Снова—залп и снова—эхо. Польская артиллерия не ждала такой неожиданности, вздрогнула и побежала, оставив нам пушки и снарядные ящики.

Переполошилась и пехота и тоже отступила. И мы заняли прежнее положение.

К-р 6 роты Калиничев.

Донец! Будь верен традициям старых бойцов. Учись у них, как надо побеждать.

Наше творчество

ВКП(б)

Какой большой единый ум—
 Милльоны дум
 Вмещает он,
 Борьбою классовой взрощен.

* *
 *

Дни—ручьи,
 Года—потоки,
 Десятилетия рвут, ветвясь,
 Упорства чьи
 И жизни соки,
 В кипеньи плавясь и пенясь,
 В русло направляют буйство лет,
 Ведут по рельсам планов дни.

* *
 *

То жизни чувства и умы
 Рядов миллионной ВКП,
 Чужд им пафос близорукий,
 И мир их стойких устремлений,
 В дни побед и поражений,
 Не застилают слов дымы:
 В неравной классовой борьбе
 С ними вождь—великий Ленин.

* *
 *

Как пыль, сметая старину,
 Ведут к грядущему страну.
 И нет преград, и нет сомнений:

За ними—класс, ведет их Ленин,
Живой, бессмертный в их сердцах,
Бессмертный ныне и в веках.

* * *

Какой большой, единый ум,
Вращенный в классовой борьбе,
Вместив в себе миллионы дум,
Зовется просто ВКП.

Г. Н.

* * *

В походе

Жарко от солнца и зноя,
Душно в мареве дня,
Плечи усталостью ноют
От скатки и ружремня.

Жарко, а в мыслях задор,
В мыслях и устали нет,
Брызгами песня в простор,
В песне—учебе привет.

Солнце палит, накаляя
Желтые сыпи песка,
Маршем пески рассекая,
Наша походка легка.

В высь голубую сурово
Щетнятся сталью штыки,
Песня взмечается снова
И меткие ружья легки.

„Русь не измерить аршином“,
А маршем ее отчеканит —
Пройдем по лесам, по равнинам,
С песней пройдем, не устанем.

Жарко от солнца и зноя,
Душно в мареве дня
Смелую песню удвоя,
К солнцу бросаем звеня.

НИКИТИН.

Боевая песня донцов

(поется на мотив „Было дело под Полтавой“)

Громко песня раздается,
То Донецкий полк идет,
Свой славные победы
На знаменах он несет.

Всесоюзной кочегарки
Мы примерные сыны,
Все из шахт Донбасса вышли
Наши красные орлы.

Знают белые вампиры,
Кто такой Донецкий полк,
И поляков белых стая,
Помнит давний ей урок.

И бандитам всем известна
Слава Красного полка,
Знает пан Петлюра тоже,
Что такое 132.

Мы знамя боевое чтим
И свято сохраним,
Знамя, кровью облитое,
Никому не отдадим.

Пусть же помнят бело-паны,
Помнят белые полки,
Что всегда готовы
Встретить их Донецкие полки.

И сегодня в праздник светлый,
Праздник славы боевой,
Поднимай же выше знамя,
Кочегарки часовой.

Пусть оно нам освещает
Наш мятежный красный стан,
Пусть под ними соединятся
Пролетарии всех стран.

П. Сысоев.

Под руководством Коммунистической партии донцы побеждали, под ее руководством они пойдут смело навстречу грядущим битвам за торжество коммунизма во всем мире.

Библиотека
Института Ломоносова
при Ц. К. В. К. П. С. С. С. Р.